

ЖАНР В.В.РОЗАНОВА: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Проблема выявления жанровой специфики розановской прозы является давно назревшей и актуальной в розановедении; рассмотрение ее неполноценно вне анализа традиций и новаций в структуре жанра В.В.Розанова.

Являясь «характеристикой типа организации художественного целого, <...> моментом непосредственного перехода содержания в форму в художественном произведении» [2, с. 49], жанр как таковой и его специфические черты определя-

ются художественным мышлением писателя, концепцией личности, мировоззрением.

В русле модернистской эстетики рубежа XIX – XX веков, Розанов стремится к созданию нового жанра в истории литературы, к преодолению традиционного представления читателя о литературном произведении. При этом новаторство писателя органично сочетается с преемственностью традиции Ф.М.Достоевского и, прежде всего, «Дневника писателя».

Сам В.В.Розанов отмечает: «С 1876 г. он [Достоевский] начал выпускать «Дневник писателя», создав им новую, своеобразную и прекрасную форму литературной деятельности (выделено мной – М.Л.), которой в будущем <...> еще суждено будет играть великую роль» [5, с. 45]. Чем же, по Розанову, так «нова», «своеобразна» и «прекрасна» форма «Дневника писателя»? Ответ на этот вопрос писатель, по сути, дает в статье «Чем нам дорог Достоевский»: «Достоевский есть самый *интимный*, самый *внутренний* писатель <...> Чудо творений Достоевского заключается в устранении расстояния между субъектом (читающий) и объектом (автор), в силу чего он делается *самым родным* из вообще сущих, а, может быть, даже и будущих писателей... (курсив автора – М.Л.)» [8, с. 533].

В начале «Уединенного» Розанов предпринимает попытку не просто устранить «расстояние» между «читающим» и «автором», но как бы отказывается от читателя: «Просто – мне нужно. Ах, добрый читатель, я уже давно пишу «без читателя», просто потому, что *нравится*. Как «без читателя» и издаю... Просто, так нравится. И не буду ни плакать, ни сердиться, если читатель, ошибкой купивший книгу, бросит ее в корзину <...>» [7, с. 195]. И далее в «Уединенном»: «А для чего иметь «друга читателя»? Пишу ли я «для читателя»? Нет, пишешь для себя.

– Зачем же печатаете?

– Деньги дают...

Субъективное совпало с внешним обстоятельством» [7, с. 252]. Однако такая самодостаточная позиция является в известной мере провокационной, хотя бы потому, что в конце первого фрагмента, приведенного выше, сказано: «Пишу для каких-то «неведомых друзей» [7, с. 195]. Именно эти «неведомые друзья» – адресат розановского «Уединенного», расстояние с которым так же стремится сократить писатель, руководствуясь установкой на «интимность», изливание внутренней жизни «я», абсолютизируя последнюю.

Итак, сравнивая жанровую специфику «Уединенного» и «Дневника писателя», следует делать акцент не на формальных особенностях, но на особенностях концептуальных, мировоззренческих, и именно в этом аспекте анализировать жанровую сущность произведений, так как «жанр осознается как способ мышления, определяемый в своих ключевых параметрах особенностями духовного мира личности» [1, с. 82]. Именно мировоззрение писателя, реализованное на всех уровнях стиля произведения, определяет как способ мышления, так и своеобразие жанра.

Мировоззренческая близость Достоевского и Розанова неоднократно отмечалась исследователями: «Конечно, внешние сходства между произведениями Достоевского и Розанова практически отсутствуют <...>. Но при всей несхожести форм, какая поразительная близость в мировосприятии, почему и возникает соблазн увидеть в личности самого Розанова сходство с такими героями Достоевского, как «Подпольный» («Записки из подполья»), «Смешной» («Сон смешного человека») и Федор Павлович Карамазов. В книгах Достоевского и Розанова мы сталкиваемся с проявлением единого историко-культурного и национального типа мышления. А главное, что объединяет этих писателей, – это погоня за «живой жизнью» [9, с. 193]. «Живая жизнь» становится «материалом», содержа-

нием произведений, тем самым «отобранном явлением действительности», которое эстетически осваивается писателями. Такой способ перехода «живой жизни» в произведение, иными словами, «способ существования материала», реализованный Достоевским в «Дневнике писателя», продолжен и развит Розановым в «Уединенном».

Структурно «Дневник писателя» представляет собой следующее: записи ведутся по месяцам, распределены по главам, которые, в свою очередь, делятся на части. Откликаясь на те или иные события окружающей действительности, автор комментирует их, оценивает, полемизирует с различными злободневными публикациями в периодике, отвечает на читательскую корреспонденцию, выражает свое субъективное восприятие происходящего с ним и вокруг него, рассуждает о различных аспектах жизнеустройства. При этом он обращается к читателю, ведет с ним постоянный диалог: «Величайшее из величайших назначений, уже осознанных Русскими в своем будущем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человеческое, – не России только, не общеславянству только, но всечеловечеству. **Подумайте и вы согласитесь**, что Славянофилы, признавали то же самое, – вот почему и звали нас быть строже, тверже <...>» [3, с. 31] (выделено мной – М.Л.).

Однако «Дневник писателя» предназначен не только «для читателя», о чем «оговаривается» сам автор: «<...> дело в том, что я пишу иногда мой «Дневник» не только для публики, но и для себя самого (вот почему, вероятно, в нем иногда и бывают иные как бы шероховатости и неожиданности, то есть мысли мне совершенно знакомые и длинным порядком во мне выработавшиеся, а читателю кажущиеся совершенно чем-то вдруг высочившим, без всякой связи с предыдущим) <...>» [3, с. 54] (выделено мной – М.Л.). Но если автор «Дневника», по сути, извиняется перед читателем за «шероховатости» и «неожиданности», о чем свидетельствует в приведенном отрывке неоднократные «оговорки» («вероятно», «как бы» и пр.), то автор «Уединенного» делает «неприглаженные», «непричесанные мысли» своей «золотой жилой». Так в «Уединенном»:

«Что ты все думаешь о себе. Ты бы подумал о людях».

– Не хочется» [7, с. 260].

Этот композиционный прием, наряду с другими, говорят уже не о преемственности мировоззрения, а о «функционировании» писателей в разных художественных системах (Ф.М.Достоевского – в реализме, В.В.Розанова – в модернизме).

Композиционная структура розановского «Уединенного» организована далеко не так стройно, как «Дневник писателя», что напрямую отвечает авторской установке на непосредственность излагаемого. Однако говорить о полной композиционной хаотичности «Уединенного», об «апофеозе бесформенности», можно лишь с определенной долей условности. Фрагментарная композиция «Уединенного» все же предполагает наличие определенной последовательности. Другое дело, что «невидимые» связи между фрагментами понятны (или ощутимы) только автору. И даже те авторские комментарии в скобках, которые сопровождают многие фрагменты текста, как правило, служат не для выявления и обозначения связанности основного текста произведения, в отличие от «Дневника писателя», где указания и ссылки помогают читателю воссоздать контекст повествования. Розанов же при помощи такого рода примечаний и пометок в скобках демонстрирует внезапность возникновения мысли, разорванность и непосредственность мышления. В этом, по сути, проявляется позиция повествователя, поставившего краеугольным камнем произведения субъективное «я», что, в свою очередь,

сближает «Уединенное» с произведением лирическим. Черты лирики: «конденсация чувств, фрагментарность и деформация», «пластический образ действительности» как «проекция внутренних состояний, настроений и переживаний лирического субъекта» [4, с. 301], – характерны и для «Уединенного». «Да просто я не имею формы (*causa formalis* Аристотеля). Какой-то «комок» или «мочалка». Но это оттого, что я – весь дух, и весь – субъект: субъективное действительно развито во мне бесконечно, как я не знаю у кого, не предполагал ни у кого» [7, с. 211], – определяет Розанов свое «я» в «Уединенном», чем в очередной раз подчеркивает приоритет субъективного начала, абсолютизирует последнее.

Определяя жанровую разновидность своего произведения, Ф.М.Достоевский выносит в название слово «Дневник». Розанов, говоря о своем жанре, отмечает: «Это несколько не «Дневник» и не «Мемуары» и не «раскаянное признание»: именно и именно только «листья», «опавшие», «было», и «нет более», «жило» и стало «отжившим»: пирамида и *больше* пирамиды, главное – клади в карман. И когда я думаю, что это я сделал «с собою», сделал с 1911 года, то ведь конечно настолько и так ни один человек не будет *выражен* так и вместе опять субъективен...» [6, с. 548] (курсив автора – *М.Л.*). Определение своей жанровой «формы» В.В.Розанов выносит в название следующих за «Уединенным» двух книг (авторское определение – «коробов») «Опавших листьев». Примечательно, что при этом Розанов проводит параллели с «формами» поэтическими: «В сущности, что делают поэты как не пишут только «Оп. листья». <...> Это форма и полная эгоизма и без эгоизма. На самом деле человеку и *до всего есть дело*, и – *ни до чего нет дела*» [6, с. 547] (курсив автора – *М.Л.*). По замыслу Розанова, каждый «опавший лист» должен был размещаться на отдельной странице по принципу оформления сборников стихотворений, что позволило бы подчеркнуть ценность каждого субъективного переживания.

Способ мышления, который находит реализацию в «Уединенном», является, по существу, лирическим. «В лирике даже цепь объективных событий имеет форму частного, увиденного, пережитого и выплеснутого не *всеобщим*, а данным человеком» [4, с. 332] (курсив автора – *М.Л.*). По родовой принадлежности «Уединенное» тяготеет именно к лирике (мы исходим из того, каким способом определяется здесь тип психологизма: концепцией личности как «действующее лицо» или как «психологическое состояние»). Как отмечается, «лирика в отличие от эпоса и драмы – принципиально поэтична. Поэтичность можно охарактеризовать как установку на «преодоление» материальности мира. Особая поэтическая тональность разговора заключается в сосредоточенности на духовности как таковой, часто вне всякой обусловленности с ее внешним миром. Опосредованные связи, «приземляющие» духовность личности (например, в форме внешней социальности), просто не нужны лирике <...>» [2, с. 45]. В свете этого можно говорить о поэтичности розановских произведений, наличие которой было предопределено мировоззренческой установкой писателя на непосредственное влияние собственного «я».

«Личность же как таковая, как «эмоционально-мыслительное состояние», как медиум, почти лишенный социальной оболочки (характера); личность, непосредственно обнажающая духовное ядро, живущая здесь и везде, сейчас и всегда, откликающаяся исключительно на экзистенциальные, вечные проблемы – такая личность является объектом лирики» [1, с. 88]. Представленный в «Уединенном» тип личности лиричен; истоком такого типа личности является герой «Дневника писателя» Достоевского.

Таким образом, жанровая разновидность розановского произведения восходит к дневниковой форме Ф.М.Достоевского, своеобразии которой заключается,

прежде всего, в отступлении от соответствующего жанрового канона (по определению предполагающего изложение хроники событий), в реализации в рамках заданной формы нового, нарождающегося типа сознания, в основе которого духовная жизнь личности, сосредоточение на собственно духовности, осмысленные общественно значимого посредством субъективного.

Принимая за основу положение о том, что главная жанровая функция – демонстрация противоречия, отметим, что произведениям Розанова характерна полифоничность демонстрации противоречий. Стремясь разрушить традиционные представления о жанре, писатель создает, по сути, «поэму в прозе». Непосредственно изливая «полу-мысли», «полу-чувства», «нечаянные восклицания», автор выстраивает их в определенную последовательность, понятную только ему. Способ «выстраивания» «полифоничности противоречий» отличает розановскую «поэму» от традиционной, композиция которой подчинена причинно-следственным связям.

«Связь жанровых функций с концепцией личности отчетливо проявляется в особом историко-литературном и шире – культурном явлении. Суть его в том, что определенные жанры актуализируются в определенные фазы общественной жизни» [2, с. 52]. Появление розановских «опавших листьев» обусловлено конкретно-исторической ситуацией в русской культуре рубежа XIX – XX веков: обращение к внутренней жизни личности, борьба за освобождение личности от социального детерминизма, сосредоточение на собственно духовности выступают ведущими чертами художественного сознания. С другой стороны, жанр, являясь особым «углом зрения» на мир и человека, имеет в основе своей актуализации и субъективный фактор: наличие у писателя определенного типа художественного мышления. Розанову-писателю свойственно лирическое мышление, что проявилось на уровне жанровых особенностей его произведений.

Следует опять-таки подчеркнуть, что «в жанре, как ни в какой другой категории, за новым всегда сквозит никогда не забываемое старое» [2, с. 55]. Помимо уже рассмотренной нами преемственности розановского «Уединенного» «Дневнику писателя» Ф.М.Достоевского, бесспорным является влияние эссеистической традиции (в эссеистике «начала собственно художественные легко соединяются с публицистическими и философскими» [10, с. 334]). Свободная композиция, характерная для эссе, в рамках которой автор выражает свои индивидуальные впечатления, суждения о тех или иных вопросах окружающей действительности, не претендующие на всестороннее и полноценное «воссоздание» предмета, во многом соответствует розановскому «Уединенному» и «Опавшим листьям» (по мнению В.Е.Хализева, «эссеистика едва ли не доминирует в творчестве В.В.Розанова» [10, с. 334]). Таким образом, и эссеистическая форма может быть определена как реализующаяся в розановском жанре.

Итак, конкретно-исторический тип сознания рубежа XIX – XX веков, преломившись через индивидуально-авторское художественное сознание, определил особенности содержания и, соответственно, жанровое своеобразие «Уединенного» и «Опавших листьев» В.В.Розанова. При этом органично воспринятые писателем традиции литературных предшественников позволили модернизировать уже существующие жанровые модификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Андреев А.Н.** Методология литературоведения. – Мн.: Дизайн ПРО, 2000.
2. **Андреев А.Н.** Целостный анализ литературного произведения. – Мн.: НМЦентр, 1995.
3. **Достоевский Ф.М.** Дневник писателя за 1876 год. Май-Октябрь. // Достоевский Ф.М. Собр. Соч. в 30 т. – М.: Наука, 1981. – Т. 23.

4. **Поляков М.Я.** Вопросы поэтики и художественной семантики. – М.: Советский писатель, 1986.
5. **Розанов В.В.** Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М.Достоевского. Опыт критического комментария // Розанов В.В. Мысли о литературе. – М.: Современник, 1989.
6. **Розанов В.В.** Письма к Э.Ф.Голлербаху. // Розанов В.В. Сочинения. – Л.: Васильевский остров, 1990.
7. **Розанов В.В.** Уединенное. // Розанов В.В. Собр. Соч. в 2-х т. – М.: Правда, 1990. – Т.2.
8. **Розанов В.В.** Чем нам дорог Достоевский // Розанов В.В. О писательстве и писателях. – М.: Республика, 1995.
9. **Фокин П.Е.** «Новая, своеобразная и прекрасная форма литературной деятельности...» («Дневник писателя» 1876 – 1877 годов Достоевского и «Опавшие листья» В.В.Розанова) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 15. – СПб.: Наука, 2000.
10. **Хализев В.Е.** Родовая принадлежность произведения // Введение в литературоведение. – М.: Высшая школа, 1999.

SUMMARY

The problem of defining the genre peculiarities of "The Lonely" and "The Fallen Leaves" by V.V.Rozanov is considered in the article. The tradition of the writer's literary predecessors and his own innovations in the genre have been analyzed.

The conclusions drawn in the article contribute to distinguishing the peculiarities of V.V.Rozanov's creative method and to defining the principles of his poetic fiction.